

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧАСОВНИ: СВЯТЫНИ, ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА, ТУРИСТИЧЕСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Кенозерье — реликтовой ареал Европейского Севера, очерченный границами Кенозерского национального парка. Соборность форм религиозного, социального и хозяйственно-экономического уклада, синтез дохристианских воззрений и православной традиции способствовали формированию здесь особого религиозно-культурного универсума. Среди составляющих культурного ландшафта, представленного природными объектами, наделёнными сакральной семантикой (озёра, острова, холмы, камни, деревья, рощи и так далее), а также памятниками иеротопии (деревянные кресты, часовни, храмы, остатки монастырских руин), особо выделяются часовни как центры социально-религиозной и культурной жизни кенозерского мира.

Особенностью религиозной жизни территории до 1930-х годов было наличие широко распространённых часовенных приходов. Более восьмидесяти часовен входили в состав всего семи церковных приходов Кенозерья. «Меньшие церковные общины» были характерны не только для Олонецкой (куда входило Кенозерье), но и для Архангельской и Вологодской епархий. Но Кенозерье выделяется высочайшим уровнем концентрации часовен. На рубеже XIX—XX веков в одном лишь Кенозерском приходе их было более тридцати¹. Исторически христианская часовня пришла на смену ритуальным постройкам и культовым местам прибалтийско-финских аборигенов. Часовенные приходы возникали одновременно с деревнями и являлись основным проводником христианства на Русском Севере². По мере формирования епархиальной системы, развернувшейся во второй половине — конце XVIII века, часовни постепенно включались в церковные приходы.

Часовенные посвящения являются хранителями глубинной памяти о времени новгородского и московского освоения территории. С периодом христианского освоения кенозерских земель связаны посвящения часовен преподобным, основателям северных монастырей: преподоб-

¹ НАРК. Ф. 25, оп. 15, д. 38/886а, л. 252—254.

² См.: *Бернитам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни : очерки по церковной этнографии. СПб., 2007. С. 63—64.

ному Диодорию Юрьегорскому (деревни Тыр-Наволок, Глубозерская), преподобным Зосиме и Савватию Соловецким (деревня Вильно), преподобному Феодосию Тотемскому (деревня Трихнова Гора) и другим.

По сравнению с сопредельными северными территориями, где часовенная традиция была также развита, «собор святых» Кенозерья отличается уникальным разнообразием: более 50 посвящений!

Общим свойством часовенной культуры является маргинальность. Пограничьем являлось само Кенозеро, которое отделяло приходской собор от деревень, расположенных на многочисленных островах и полуостровах. Сообщение с собором во время замерзания озера или таяния льда на нём становилось невозможным. Мотив «отдалённости» и «недоступности» главной церкви как причины и повода часовенного храмоздательства — это и скрытая форма отказа от посещения «чужого» храма и сохранения верности «своим» богам. Часовня являлась сакральным центром деревни (мира) и одновременно могла принадлежать частному лицу. В строительстве собственных храмов (часовен) отчётливо проявилось архаическое по своему происхождению, но весьма созвучное православному мирозерцанию стремление к личной, персональной встрече с Богом. Обязательной богослужебной практикой являлись «частные молебствия» после литургии в приходском соборе на погосте: «Каждый, кто пришёл по обещанию, старается отслужить молебен особ от других... такие молебствия продолжаютя нередко до вечера»¹.

Маргинальность часовенной топографии роднит её с образом Креста и феноменом «росстани». В часовенной традиции Кенозерья придорожные часовни занимают особое место. Согласно историческим сведениям, часовни «на росстани» возводили как «часовые», «стражи» определённой территории². Прообразом придорожной часовни являлись языческие столбы, хранившие прах умершего предка и определявшие границу его владений. В этом смысле их можно уподобить римскому Термину (божеству границ) или кудурру (межевому камню с изображением символов богов, охраняющих территорию) в Древнем Вавилоне. Примечательно, что среди придорожных часовен Кенозерья часовня, посвящённая святым великомученикам Кирику и Улите в деревне Филипповская, располагается на пересечении дорог, одна из которых маркирует древнее кладбище Почезерского прихода.

¹ НАРК. Ф. 25, оп. 20, д. 39/444, л. 3—4 об.

² См.: Фрейман Н. Придорожная часовня — пережиток древнего «погребения на столбах на путях» // Советская этнография. 1936. № 3. С. 86—88.

Расположение храмов на границах не только разделяло пространство живых и мёртвых, но и отмечало рубеж канонического богословия и народного благочестия. По преданиям русского народа, святая великомученица Параскева признавалась охранительницей полей и скота. В языческие времена в честь этой богини ставились столбы «на росстани» дорог. С введением христианства наши предки заменили эти памятники часовнями в честь святой великомученицы Параскевы Пятницы¹. Часовня в деревне Тырышкина, посвящённая культуре святой, также расположена на границе деревни и дороги, ведущей в поле. Часовни ставили на дальних сенокосах, охотничьих угодьях, на берегах рек и озёр.

Часовни являются ярким свидетельством неизбывной тяги русского человека к пустынножительству. Свидетельством тому является строительство придорожных часовен — келеек для молитвенных уединения и отдыха богомольцев. В Кенозерье почитание получили часовни, которые являлись своеобразными «монастырскими подворьями» отдалённых от деревень обитателей Кенозерья. «Макарьевские» часовни располагались в деревнях Качикова Горка, Фёдоровская (Овчин-Конец). В деревне Карпова часовня сохраняет память о преподобном «Пахомушке Кенском». Преподобному Диодору Юрьегорскому («Иодорий») поставлены часовни в деревне Тыр-Наволоки и Глубозерская. Посвящение преподобному Антонию Сийскому («Антонию Великому») хранит часовня в деревне Поромское. «На росстани», по дороге в Макарьевскую Хергозерскую пустынь, стояла часовня во имя Честного Животворящего Креста Господня. Маленькая часовенка, указывающая дорогу в Челмогорскую пустынь, описана в следующем тексте: «Как отрадно встретить святыню среди дремучего леса! Часовенка стоит на самой росстани, между дорогами, ведущими в Пудоско и на Челму. Нередко богомольцы и прохожие отдыхают у ней; все стенки ея были исписаны их именами»².

Паломнические маршруты способствовали возникновению уникального явления «распразднования» часовен, когда к первоначальному посвящению добавлялось ещё одно и, соответственно, новый часовенный праздник. Георгиевская часовня в деревне Спицына, находившаяся на пути к Макарьевскому монастырю, приобрела второе

¹ См.: Церковно-народный месяцеслов на Руси И.П. Калинин. Репринт. 1877. М., 1990. С. 48.

² Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание Челмогорской мужской пустыни. М., 1896. С. 9.

посвящение преподобному Макарию («Макарий попутный»). В воспоминаниях местных жителей сохранилось двойное название часовни в деревне Казариновская. Известно, что здесь стояла часовня святого Пантелеимона Целителя (хранителя путников), но так как она была расположена на пути в Макарьевский монастырь, то имела «праздничное приложение» преподобному Макарию.

Маргинальность часовенной традиции проявлялась в вопросе взаимоотношения церковных и часовенных приходов, выразившись в антитезе «запрет — разрешение». Возведение часовен было запрещено многочисленными церковными указами, в том числе «ввиду тайного богослужения, которое раскольники совершали в часовнях». Церковный раскол и сохранение древнего благочестия на Севере актуализировали часовенную традицию Кенозерья. В архивном документе, датированном 1712 годом, мы встретили сведения о часовне, расположенной в деревне Думино, а также многочисленные указания на крестьян, сгоревших в XVII веке «в церковном расколе»¹. Антитеза «запрет — разрешение» в часовенной традиции ярко выражена в богослужебной практике в безалтарных храмах. Архивные документы, записки исследователей и полевые материалы свидетельствуют о практике служения священников в часовнях, которая категорически запрещалась церковными властями. В Музейном фонде Кенозерского парка хранится книга «Требник» с дарственной надписью: «1924 г. 20 июля. В Мамоновскую часовню Св. прор. Бож. Илии на добрую память священник Дмитрий Кожевников (староцерковник)». Традиционно и сами миряне выполняли обязанности священников в своих «малых» церквах: вычитывали службы, а также от «великой нужды» крестили младенцев и отпевали покойников.

Ментальная карта часовенного мира нашла выражение в наиболее почитаемых «обетных» часовнях. «Обет» связан с кризисными ситуациями, когда наступал хаос и распадался привычный порядок вещей. Ритуальное пограничье, обретающее форму прошения или благодарности во избежание падежа скота, «хлебного недорода», пожара или дружки стихийного бедствия, было знаковым для северного крестьянина.

С кризисными маргинальными ситуациями связана мотивация приношения «завета» — жертвоприношения Богу с прошением здоровья и благополучия в делах. «Кому молишься, тому и завещание даёшь», — говорили в Кенозерье.

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 168, л. 140 об.

«Тканые заветы» — домотканые полотенца, платки, пояса и другие предметы с вышитым изображением человеческой фигуры или креста располагали в часовне над иконами, на специальных деревянных полках и крестах. Ткань в фольклорной культуре тесно сопряжена с мифологемой пути-дороги, установления связи между Богом и человеком. В язычестве она выполняла функции жертвы, в христианстве являлась вещным аспектом молитвы об исцелении. Показателем сохранения в Кенозерье священного предания является приношение в часовню в качестве пожертвования «тканых привесов». При вкладывании завета точно обозначали число исполнения просьбы. «На зори выходи на улицу и проси Господа Бога: «Мой завет выполняется», или так три раза проговори и клади крест. (*Информантка перекрещивает ладони: правую ладонь ребром кладёт на левую.*) А в часовне, когда с Богом разговариваешь, в конце нужно сказать: «Ключ — замок, Христова печать». Вот так крест вкладай: правая рука наверху чтобы была. (*Показывает: указательным пальцем правой руки перекрещивает указательный палец левой руки.*) Если завет не исполнен, просите у Господа Бога: «Что Вы мне отказали?» Или: «Что мешат?» Может, и снова повторить»¹.

Часовня — это особый моленный образ, прекрасный и возвышенный, напоминающий верующим о Божественной гармонии. Мистическая интуиция человека, подсказывающая необходимость единения с миром природы, нашла выражение в создании редчайших природно-архитектурных часовенных ансамблей Кенозерья. Строения в большинстве своём занимают высотные доминанты, уступы рельефа, береговые мысы, крупные острова и полуострова, места впадения в водоёмы крупных волоков. При возведении часовен мастера соотносили зрительные связи зданий с водными и сухопутными путями, восходом и заходом солнца, с планировочной структурой жилых домов.

Кенозерские часовни центрируют пространство вокруг себя, находясь и на низких гипсометрических уровнях. Например, часовня «Сошествие святого Духа на апостолов» (деревня Глазово) расположена «на водах» — на узкой перемычке, разделяющей два залива протяжённого полуострова, который в половодье превращается в остров.

Пространство часовни мерно и человечно, в декоре убранства организующая роль композиции принадлежит «небесам» — монументу

¹ Анциферова А.И., Мелютин М.Н. Отчёт об экспедиции в Плесецкий сектор Кенозерского национального Парка. 2010 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

тальной живописи XVIII—XIX веков на библейские сюжеты, сохранившейся в 16 кенозерских часовнях. Расписное «небо» (потолочное перекрытие конусообразной формы), широко распространённое в часовнях Русского Севера, символизирует небесную сферу со звёздами, Солнцем, Луной и Царствием Бога. На балках каркаса «неба» часто писали звёзды, имитирующее реальное небо. Деревянные грани «неба» также украшались звёздчатыми орнаментами, которые были известны ещё в декорировании потолков древнеегипетских склепов. В христианстве звёзды означают символ «света свыше».

Каркас конструкции «неба» напоминает солнце с расходящимися лучами, поэтому и фон небесных композиций — голубой. Эта мысль позволяет сделать нам вывод о параллели священности природных стихий с изображением святых на кенозерских «небесах».

Изображение на «небесах» духовных покровителей местных крестьян или заказчиков храмов — это поразительная деталь кенозерских росписей. Так, на «небе» часовни Казанской Божией Матери в деревне Минино изображён образ великомученика Георгия, в часовне Трёх святителей в деревне Немаята — образы святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова.

Ядром интерьера любой часовни является двух-трёхъярусный иконостас. Часовенные иконостасы в большинстве своём были традиционны по структуре: состояли из местного и деисусного рядов. Особенностью структуры иконостасов было включение образов подвижников благочестия, особо почитавшихся на севере России: преподобных Антония Сийского, Никодима Кожеозерского, Александра Ошевенского, Артемия Веркольского, Александра Свирского. Однако наиболее часто встречались иконы с изображением Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, что можно объяснить большой популярностью этих святых как в среде официального православия, так и у старообрядцев. Состав икон в часовенном иконостасе говорит об изблюбленных образах святых и определённых богословских познаниях северных мирян, так как инициатива сооружения храмов и устройство их интерьера исходили от прихожан.

Сегодня часовенные интерьеры сохраняют преимущественно живописные произведения Нового времени, конца XVII — начала XX века.

Одним из важнейших аспектов исследования часовенных приходов является их анализ в контексте религиозно-антропологического

дискурса. Речь идёт о функциях и роли часовенных приказчиков, позднее — старост, которые «держали ключ» и являлись ревностными хранителями часовенного согласия. Деятельность часовенного старосты, в чьи обязанности входило сохранение традиции, роднит его с волхвом (жрецом), совмещавшим общественные и сакральные функции посредника между людьми и божествами в языческой Руси. В функции старосты часовни входило совершение таинств и обрядов (крещение младенцев, отпевания покойников — ранний советский период), хранение сакральных атрибутов (иконы, обетные «тканые привесы»), руководство ритуальными жертвенными трапезами, сбор пожертвований в часовенную казну и хранение её, приглашение приходских священников для отправления молебнов в праздничные дни, продажа заветного предмета для исцеления ребёнка (в исключительных случаях). Со здоровьем младенцев связаны традиции почитания часовенного праздника во имя преподобного Симеона Богоприимца в деревне Бояринова.

Важную роль в персонологии сакрального института часовенных старост играет гендерный фактор. В северорусской крестьянской традиции служение в часовне было мужским занятием, сохранялось неизбывное правило «женщина в собрании да молчит». По мнению религиоведа А.А. Панченко, «институт «хранителей» местных святынь» восходит к синодальному периоду¹. В кенозерских документах дореволюционной эпохи выявлены пока редкие материалы о приказчиках. Самое раннее свидетельство относится к 1805 году: имя часовенного приказчика часовни Святого Иоанна Предтечи в деревне Горбачиха — Иван Филиппов². Военные годы изменили «заветные» традиции, и функции часовенного старосты стали частью женской субкультуры. Анализ информации, датируемой второй половиной XX века, позволяет сделать вывод о преемственности функций старосты, передаче «службы из рук в руки» членам одной семьи. Например, в часовне Афанасия, архиепископа Александрийского, в деревне Тарасово до конца 1970-х годов (времени упразднения деревни) старостой служила Агафья Александровна Артемьева. Ранее «часовенкой заведовал» её дед, старовер-беспоповец.

¹ См.: *Панченко А.А.* Образ старости в русской крестьянской культуре // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 265—273.

² *Заручевская Е.Б.* Храмостроение Кенозерья и Лекшмозерья. Предисловие к «Своду памятников» // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 535.

Часовенные старосты крепко «держали» ключи от часовен, однако время неумолимо, и эти хрупкие деревянные памятники архитектурного наследия разрушаются или вовсе утрачены.

В 1970-е годы московские учёные, историки, архитекторы, художники озвучили значимость территории Кенозерья для культуры России. В 1980-е годы студенческими отрядами Архангельского пединститута отремонтированы 16 памятников архитектуры. На долгие годы был приостановлен процесс их разрушения, сделан шаг в сторону сохранения культурного наследия.

В 1991 году «часовенная территория» была возведена в статус заповедной, здесь был основан Кенозерский национальный парк. Никольская часовня в деревне Вершинино — первый памятник, реставрацию которого в 1996—1998 годах осуществил уже национальный парк в рамках российско-норвежского сотрудничества. За десять лет неоценимой помощи со стороны Министерства окружающей среды Норвегии удалось возродить десять значимых памятников. После десяти лет работы по сохранению и возрождению памятников Кенозерья национальному парку удалось привлечь внимание и финансирование Министерства культуры РФ в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».

Примечательно, что консервацией памятников Кенозерья занимаются не только профессионалы, но и волонтеры. Парк ежегодно организует международные волонтерские лагеря. Молодые люди из разных стран — участники лагеря «Часовенный рай» — выполняют очень важные текущие ремонтные работы (чистка кровли от мха, правка окон, дверей, установка навесов над деревянными руинами, другое).

Памятники архитектуры являются частью традиционного культурного ландшафта. Важнейшая задача для национального парка — сохранение исторической целостности окружающей памятники историко-культурной среды. Поэтому сегодня актуальна работа по созданию зон охраны памятников. На сегодняшний день подготовлена научно-проектная документация на 20 зон охраны объектов культурного наследия. В этих документах определены зоны охраны памятников, зоны регулирования застройки, зоны охраны культурного ландшафта.

Наличие на территории парка ценнейших объектов культурного наследия — деревянных часовен — выступает одним из главных факторов привлекательности территории для туристов. Памятники включены в систему экологических троп и туристских маршрутов: «Небеса ручной работы», «Тарасовская борова», прочие.

Процесс презентации наследия тесно связан с научными исследованиями. Замечательно, когда научное открытие становится не только сенсацией для специалистов, но и ярким событием познавательного туризма. Открытие авторской подписи Фёдора Захарова Иока на расписном небе из часовни Николая Чудотворца в деревне Усть-Поча получило отражение в новом туристическом маршруте. При финансовой поддержке в рамках программы «Первая публикация» издана уникальная книга-каталог «Небеса и окрестности Кенозерья». Коллекцию «небес» и иконописных произведений из утраченных или закрытых часовен мы представляем в музейных экспозициях «Рухлядный амбар. Открытый показ фондов» и «Мастерская изографа».

В 2009 году, при финансовой поддержке Евросоюза, мы приступили к реализации масштабного проекта — созданию архитектурно-ландшафтной экспозиции «Архитектурный парк «Кенозерские бирюльки». Основной идеей экспозиции стало представление в уменьшенных копиях (½) построенных по всем канонам плотницкого мастерства памятников архитектуры, находящихся в аварийном состоянии либо уже утраченных. Воссоздание макетов утраченных часовен в этой экспозиции — одна из форм сохранения их в памяти кенозерского ландшафта.

Богатое часовенное наследие Кенозерья уникально тем, что «одухотворено» его подлинными хранителями — местными жителями. В этом огромная сила территории! Бабушки являются старостами и хранителями часовен. Участие местных плотников в реставрации памятников необычайно важно для понимания того, насколько это значимо — сохранить наследие на локальной территории.

Кенозерье — территория вне времени. Она доставляет духовное наслаждение и позволяет соприкоснуться с часовенной культурой, утраченной на других территориях России.